

СТАНОВЛЕНИЕ САТИРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVII-XVIII ВЕКА

У статті йдеться про становлення англійської сатиричної традиції. Особливу увагу приділено теоретичному аспекту цієї проблеми. Запропоновано концепт «фантастичне співтовариство» як ключовий для розгляду сатиричного дискурсу з точки зору його національної специфіки.

Ключові слова: сатира, гумор, співтовариство, тип, дискурс.

В статье рассматривается становление английской сатирической традиции. Главное внимание уделено теоретическому аспекту проблемы. Предложен концепт «фантастического сообщества» как ключевой при решении вопроса о национальной специфике сатирического дискурса.

Ключевые слова: сатира, юмор, сообщество, тип, дискурс.

The article deals with the emergence of the English satirical tradition. The author focuses on the theoretical aspect of the problem. A concept of „fiction community“ as the key in deciding of the national specifics of satiric discourse is regarded.

Keywords: satire, humour, community, type, discourse.

Устойчивый интерес к компаративной методологии в современном литературоведении объясняется тем обстоятельством, что накопившиеся в процессе изучения национальных литератур факты сделали очевидным, во-первых, наличие неких силовых линий, по которым движется мировой литературный процесс, а, во-вторых, конкретно-исторический характер репрезентации в каждой отдельной литературе даже наиболее общих эстетических (поэтических) категорий.

Этот тезис в полной мере сохраняет свое значение применительно к одному из древнейших модусов художественной речи: сатире. Если индивидуальные особенности сатирического мышления, присущие отдельным писателям, довольно часто привлекали внимание исследователей, то национально-исторические обобщения в этом роде, если иметь в виду теоретическую сторону вопроса, остаются по большей части лишь настоятельно востребованными.

Данная статья представляет собой попытку теоретической спецификации английской сатирической традиции.

На последнюю треть XVII века в Англии приходится пора расцвета сатиры. Общую характеристику мироощущения европейского человека того времени находим у Ю Виппера: «Для личности эпохи Ренессанса характерны духовная гармония, единство, слияние начал личного и общественного, обусловленное вместе с тем их нерасчлененностью. Для внутреннего мира человека, изображаемого литературой XVII столетия, показательна, наоборот, борьба, зачастую прямой антагонизм этих начал. Отзвуки такого конфликта можно обнаружить и в произведениях французских классицистов (столкновение прав

личности и требований государственного долга, принимающее временами объективно неразрешимый характер), и в «Симплициссимусе» Гриммельсгаузена (изображение страданий народа и его чаяний), и в «Потерянном рае» Мильтона (стихийный, чреватый внутренним трагизмом и преисполненный скрытой диалектики бунт героев против слепого подчинения авторитету как идейное зерно поэмы)» [3: 22].

Подлинный взлет сатирического направления произошел в английской литературе в XVIII веке. Именно к этому времени исследователи относят становление собственно национальной сатирической традиции: “By the end of the seventeenth century, English has rooted itself as a native tradition. Authours of the next fifty years, publishing from Samuel Garth’s *The Dispencery* (1699-1718) to Samuel Johnson’s *The Vanity of Human Wishes* (1749), create another Augustan age, for this period rivals imperial Rome in its elevation of satiric poetry into a national idiom” [8: 212].

Поистине колоссальной фигурой, фигурой мирового масштаба явился Джонатан Свифт. Его творчество, достигшее вершин в «Сказке бочки» и «Путешествиях Гулливера», по своей значимости соперничает с величайшими шедеврами английской реалистической литературы. По своим художественным особенностям творчество Свифта целиком определяется законами сатиры. Обобщающий иносказательный сатирический смысл его «Сказки о бочке» и «Путешествий Гулливера» гораздо важнее для него, чем те жанровые, конкретно-бытовые жизненные подробности, в которые будут с таким увлечением и любознательностью всматриваться создатели английского реалистического очерка и романа Просвещения.

По инициативе Свифта несколько талантливых английских сатириков (Арбетнот, Гей и Поп) объединились в литературный кружок под названием «Кружок “Мартина Скриблеруса» (т. е. “Писаки”) образовался примерно с приходом тори к власти. Свифт, Поп, Гэй, Парнелль, Конгрив, Арбетнот и другие собирались в комнатах Арбетнота в Сент-Джемском дворце. На собраниях этих присутствовали и торийские лидеры – Гарли и другие. Целью кружка было создание сатиры на самые различные формы педантизма и лжеучености, воплощенные в образе Скриблеруса-Писаки. Первый том “Мемуаров Мартина Скриблеруса” был опубликован только в 1741 г., – через шесть лет после смерти Арбетнота, – во втором томе прозаических произведений Попа: «В “Мемуарах” повествуется о рождении и воспитании Мартина, которому посчастливилось быть сыном ученого-антиквария. (...) Отец Мартина, чтобы воспитать его по античному образцу, решает, что, как Гераклу, люлькой его сыну должен служить щит. Затем следует пародия на классическое образование: на пряхниках Мартина вытиснен греческий алфавит, он играет только в греческие игры, и одежда его представляет собою географическую карту. Мартин становится критиком, потом изучает медицину, исследует душевные болезни, стремится обнаружить седалище души и т. д. Под конец он отправляется в путешествие. С коллективным замыслом «Мартина Скриблеруса» связаны такие произведения как «Путешествия Гулливера» Свифта и «Дунсиада» Попа, выросшие из отдельных частей общего плана» [4: 241].

Очень интересен сам факт присоединения Свифта к какому бы то ни было сообществу. Чтобы пояснить сказанное, приведем отрывок из его письма Попу: «Я всегда ненавидел всякие общества, секты и братства; я всей душой люблю просто людей, каждого в отдельности, – например, ненавижу племя юристов, но люблю советника Имярек и

судью Имярек; то же относится к докторам (я уж не говорю о своих собратях по перу), военным, англичанам, шотландцам, французам и всем прочим. Но вообще-то я ненавижу и презираю скотину, именуемую человеком, хотя от души люблю того, другого или третьего. ...Я собрал материалы для трактата, доказывающего, что термин, “animal rationale” неверен и что правильно лишь “rationis saxum”» [6: 232].

Мощным стимулом к развитию сатирического дискурса стала политическая межпартийная конкуренция. В известном смысле классический пример такой конкуренции представляет борьба вигов и тори. На нем можно видеть продуктивность подхода к сатире как эстетическому обнажению безосновательности любой социальной иерархии. Виги и тори представляли в момент возникновения вполне определенные, хотя и только нарождающиеся, политические силы: торгово-промышленную буржуазию и консервативную аристократию соответственно. Каждая из сил имела ясные и конкретные приоритеты и цели. Говорить о беспочвенности межпартийных прений, как представляется, не приходилось. Но вот что пишет комментатор романа Свифта «Путешествия Гулливера» Е. Брандес: «Враждующие политические партии лилипутов – высококаблучников и низкокаблучников – разительно напоминают английских тори и вигов, а секты острокопечников и тупоконечников, не могущих прийти к окончательному решению, с какого конца следует разбивать яйцо, дают сатирическое изображение религиозных споров того времени» [2: 410].

Свифт, таким образом, прозревает надуманность, в конечном счете, любой социальной конкуренции, данном случае, политической и религиозной. Крупным явлением в литературной и общественной жизни Англии стала сатирическая драматургия Генри Филдинга, воспринявшего свифтианские начала политической сатиры. В комедии «Дон Кихот в Англии» (1734) Филдинг блестяще использует прием остранения, позволивший ему едко высмеять нравы британского истеблишмента. В «Пасквине» (1736) и «Историческом календаре» на 1736 г.» Филдинг буквально изничтожил систему политической конкуренции в Англии, выказав себя достойным преемником Свифта и в этом отношении.

Большая часть сатирических произведений английских сатириков XVII-XVIII веков была посвящена политической и религиозной проблематике. Причем начальные этапы ее становления отмечены довольно часто резкой критикой лиц, а отнюдь не нравов и пороков. Однако к началу восемнадцатого эта черта сатирического дискурса была почти полностью изжита. Во всяком случае, ко времени расцвета журнальной сатиры Стиля и Аддисона уже почти не приходится говорить о сатире на лица. На качество и содержание сатирического дискурса решающим образом влияет характер общественного идеала, довлеющего сознанию мыслящей части общества. Английское общество не встречало препятствий на пути социальной дифференциации. Кипение политических и религиозных страстей, взятое с различных точек зрения, можно оценивать то как благотворное, то как губительное, но одно можно сказать с полной уверенностью: в такой общественной атмосфере невозможна узурпация социальной перспективы. Соответственно, в общественном сознании формируется важнейший компонент, накладывающий глубокий отпечаток на нравы и принципы. Этот компонент – антиутопизм, отказ от проектирования идеального социального устройства здесь и сейчас. Огромную роль в формировании этого компонента и сыграла английская «августиновская» сатира. Издателям «Зрителя»

и «Болтуна», Аддисону и Стилю как идейным наследникам Свифта, Арбетнота и Поупа потому и удалось сформулировать и развить принципы сатиры на нравы, а не на лица, что «окончательное» одоление человеческих пороков мыслилось ими не как предприятие «чистых» против «нечистых», имеющее завершиться в обозримом времени, а как личное, ежедневно возобновляемое дело каждого. Источник же порока английские сатирики видели в моральной лени, условия для которой создавала, как ни странно, именно неоднородная, размежеванная по страстям и интересам действительность, где так легко было отказаться от личной ответственности, подменив свое решение решением партии или «породы».

Классическая английская сатира не «бичует» социальное зло и «общественные пороки», а разоблачает иллюзорность представлений об объективности внеположного человеческой воле зла, как бы навязываемого человеку тем или иным сообществом. Именно в этом заключается освобождающая, позитивная функция сатиры. Сатира действительна постольку, поскольку разоблачает иллюзорность представлений о приоритете социального устройства по отношению к личному внутреннему устройству человека. В пределе – сатира ставит под сомнение и т. н. «человеческую» природу.

Мы полагаем, что своеобразие сатирической типизации в английской литературе заключается в последовательном абстрагировании от представления о воплощении социального идеала в реальной жизни: сатирический максимализм, в высшей степени свойственный, в частности, Д. Свифту. Именно роман Свифта «Путешествия Гулливера» дает яркие примеры сатирической типизации в ее английской интерпретации.

Строго говоря, тип как таковой представляет собой воплощение часто встречающихся в реальной действительности черт характера, социального статуса и пр. в отдельной личности = персонаже. Иными словами, реалистическая типизация предполагает обнаружение общего во множестве разрозненных впечатлений. Реалистический тип, как правило, результирует наблюдения и мысли автора на протяжении более или менее длительного периода времени. Сатирическая типизация, напротив, представляет собой мультипликацию частного, уникального: типическое в сатире не обнаруживается в жизненном материале, а внедряется в него волей автора: “Apart from 1) formal satire, the following categories can be mentoned: (2) the fantastic narrative, wich includes such forms as the beast-fable, utopian and anti-utopian fiction, and allegory; (3) already existing literary forms taken over and transformed into satirical comment, e. g. aphorism and epitaph; (4) parts of literary works in any of the genres taken over for satirical purposes” [7: 13].

М. Ходгарт выделяет, помимо «формальной» сатиры, фантастический нарратив, свойственный сатирическому дискурсу едва ли не с необходимостью, и реализующийся в формах утопии, антиутопии, аллегории и басни. Именно в таких, фантастических образах и реализуется сатирическая типизация. Почему? Дело, с нашей точки зрения, в том, что, если реалистический тип как бы фиксирует индивидуальное отклонение от нормы, тем самым обнаруживая иллюзорность представления о свободной индивидуальности, то сатирический тип фиксирует массовое подчинение абсурдной норме, тем самым обнаруживая иллюзорность нормы как таковой. И постольку сатирический тип = персонаж, если говорить о классических образцах сатиры – это всегда некое фантастическое сообщество, будь то обитатели свифтовской Лилипутии, будь то генералы из сказки Щедрина.

Концепт фантастического сообщества лежит в основе сатирического отношения к действительности. В зависимости от того, какие конкретные формы принимают реализации этого концепта в общественном сознании, различаются и сатирические традиции в различных странах. Подчеркнем, что фантастическое сообщество не следует мыслить как исключительно как плод воображения. Сверхъестественными характеристиками вполне могут быть наделены совершенно реальные социальные (или — этнические) общности, и сатира может опираться на такие представления. Так, сатира эпохи Просвещения нередко избирала в качестве идеального образца неспорченной человеческой природы примитивные общества: «Путешествия, как реальные, так и воображаемые, были одним из ведущих литературных жанров. В замысел воображаемых путешествий почти всегда входила сатира на существующий европейский порядок, и достигалась она настоящим на неспорченности, мужестве и высоких нравственных стандартах простодушных народов, с которыми якобы познакомился путешественник» [5: 206]. (Ср.: «Для литературы этой эпохи характерна сатира в форме замечаний дикаря, удивленного цивилизацией и видящего в современном обществе те пороки, которые сокрыты от привычного взгляда члена этого общества — «светского человека» [1: 185]. Признавая наличие тенденции, следует обратить внимание на то, что вершинные достижения английской сатиры, прежде всего, произведения Свифта, свидетельствуют о том, что этот «идеал» также подвергся сатирическому упразднению: «Гулливер нигде не встречает благородных и простодушных дикарей. ... Дрожь омерзения при мысли о соотечественниках у него действительно появляется после длительного созерцания образов благородства и простодушия, но отнюдь не человеческих образцов. И эта жутковатая насмешка Свифта не одурманивает (как мечтания о «раскрепощенном естестве»), а отрезвляет» [5: 208].

Мы полагаем, что концепт фантастического сообщества как базовый для различения различных национальных сатирических традиций может лечь в основу будущей типологии сатирического модуса художественного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. — Л.: Худож. лит, 1981. — 356 с.
2. Брандис Е. Джонатан Свифт и его роман «Путешествия Гулливера» / Свифт Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера. — Л.: Детская литература. 1965. — 476 с.
3. Виппер Ю. Б. Введение: [Литература Западной Европы XVII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983—1994. — Т. 4. — 1987. — С. 16-36
4. Заблудовский М. Д. История английской литературы. Т. 1 — Вып. 2. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1945. — 422 с.
5. Муравьев В. С. Джонатан Свифт. — М.: Просвещение. 1968. — 303 с.
6. Теккерей, Уильям М. Теккерей. Английские юмористы XVIII века Собрание сочинений в двенадцати томах. — Т. 7. М.: Художественная литература, 1977. — 644 с.
7. Hodgart M., Konnery B. Satire: origins and principles. — University of New Jersey, 2009. — 255 с.
8. Quintero R. Pope and Augustan Verse Satire / A Companion to Satire: Ancient and Modern. — University of Cambridge, 2007. — pp. 212-233.